

ПРОБЛЕМА ПЕРИОДИЗАЦИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Литературоведческие проблемы, независимо от того, носят ли они частный или общий характер, обладают различным статусом гносеологической исчерпываемости. Есть проблемы, которые на каком-то этапе научного поиска оказываются окончательно решенными и таким образом снимаются. Это касается прежде всего вопросов атрибуции произведений, вопросов текстологии, комментирования, наконец, вопросов биографии писателя или творческой истории его сочинений.

Но есть круг проблем, решение которых никогда не может считаться окончательным и, следовательно, исчерпывающим. По мере углубления познавательных возможностей и расширения задач науки перспективы подхода к их решению также постоянно расширяются. Это может быть связано с интерпретацией литературных произведений в аспекте анализа их идейной направленности или с уяснением факторов, определяющих формирование историко-литературного контекста. В каждом случае с изменением взглядов на функции литературы, углублением наших представлений о законах историко-литературного развития возникают предпосылки для новой постановки, казалось бы, «старых» вопросов. Применительно к такого рода проблемам можно говорить об их принципиальной «открытости». К ним относится и проблема периодизации литературы.

Вопрос о периодизации русской литературы XVIII в. не вызывал особых споров, хотя было предложено несколько схем, упорядочивавших общее представление об основных этапах развития литературы этого столетия. Предпосылки их были заложены еще В. Г. Белинским. Великий критик в целом ряде статей высказал свое понимание стадильности развития русской литературы XVIII в. Белинский рассматривал этот период как время постепенного набирания сил в поступательном движении к достижению литературой того уровня гармонического совершенства поэтической формы, какого она достигла в творчестве Пушкина.¹ Вехи этого пути он связывал с творчеством таких крупнейших авторов своего времени, как Ломоносов, Кантемир, Карамзин. Если твор-

¹ Наиболее полно такое понимание Белинским литературы XVIII в. выражено им в цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» (1843—1846).

чество двух первых поэтов приходилось на время господства «риторических» правил (иначе определявшееся как «Ломоносовский период»), то «Карамзинский период», введший «русскую литературу в сферу новых идей» и, как следствие, качественно обновивший нормы литературного языка, заявил себя с наибольшей полнотой в завоеваниях Крылова-баснописца, Жуковского и Батюшкова, т. е. распространялся не только на конец XVIII в., но и на начало XIX в. Белинский не указывал точных хронологических границ выделяемых им периодов. Но примечательно, что начало новой эпохи в развитии национальной литературы он связывал с результатами реформаторской деятельности Петра. Не случайно, характеризуя роль Ломоносова в русской литературе, Белинский прямо сравнивал его с Петром Великим.²

Точка зрения Белинского так или иначе сохраняла свое значение почти на всем протяжении XIX в., хотя разыскания ученых академической и историко-культурной школы (А. Н. Пыпина, Н. С. Тихонова, А. А. Куника, А. Н. Веселовского и др.) неизмеримо расширили круг материалов, доступных изучающим литературу этого столетия. Это отразилось на осмыслении закономерностей литературного развития литературы XVIII в. В частности, именно благодаря исследованиям Н. С. Тихонова, А. Н. Веселовского и В. Н. Перетца на рубеже XIX—XX вв. в филологической науке утверждается понятие «Петровского периода», «Петровского времени» как особого этапа русской литературы первого тридцатилетия XVIII в., отмеченного своей спецификой художественного выражения и имевшего важное значение для последующего историко-литературного развития.

Вопрос периодизации имел естественную актуальность для всех, кто обращался к освещению путей исторического развития отечественной словесности. В учебных пособиях дореволюционного времени установление периодов развития литературы XVIII в. чаще всего механически приурочивалось ко времени царствования отдельных монархов с выделением соответственно литературы «Елизаветинской эпохи» или «века Екатерины».³ Устарелость, а главное, ненаучность подобных принципов периодизации очевидна.

В советское время изучение литературы XVIII в. обрело качественно новую методологическую базу. Благодаря диалектическому, основанному на принципах историзма пониманию общест-

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1956. Т. 10. С. 8—9.

³ В качестве наиболее показательного примера подобных схем периодизации укажем на ту, которая дана в популярном для своего времени «Семинарии по новой русской литературе» Н. К. Пиксанова (СПб., 1912; 2-е изд. СПб., 1913). Подзаголовок издания недвусмысленно обнажает его методологические принципы: «Три эпохи. Екатерининская, Александровская, Николаевская». В пределах XVIII в. недостает только Елизаветинской и Петровской эпох, чтобы схема приобрела свою логическую завершенность. Кстати, применение термина «Елизаветинское время» в определении этапов развития литературы XVIII в. также имело место в дореволюционном литературоведении, например в пособии А. Д. Галахова.

венной природы художественного сознания, а также благодаря самоотверженной работе нескольких поколений ученых, введших в научный оборот огромное количество нового историко-литературного материала, относящегося к XVIII в., были созданы предположения для обобщающих исследований литературы данной эпохи, позволяющих воссоздать реальную картину ее развития. На новой, более объективной основе стала решаться и проблема периодизации литературы этого столетия. Было предложено несколько вариантов периодизации.

Наиболее известный, можно сказать традиционный подход к периодизации историко-литературного процесса XVIII в., по сей день доминирующий в системе вузовского преподавания литературы этого периода, дает учебник Д. Д. Благого «История русской литературы XVIII века».⁴ Автор распределяет весь подлежащий изучению материал по трем основным периодам: *1-й период* — «Литература первых десятилетий XVIII в. На путях к классицизму» — охватывает 1700—1720-е гг. и характеризуется решением подготовительных задач. *2-й период* — от конца 1730-х до 1770-х гг. На протяжении этого периода в обстановке установления и господства в литературе художественного направления классицизма реформируется система русского стихосложения, закладываются основы нового русского литературного языка. Наконец, *3-й период* охватывает литературу последней трети XVIII в. и отмечен движением к сентиментализму и формированием элементов реализма на просветительской основе.

Такова схема периодизации, предложенная в учебнике Д. Д. Благого. Верно фиксируя наиболее очевидные внешние признаки историко-литературного движения, эта схема не дает в то же время ответа на вопрос о конечном критерии выделения обозначенных периодов. Это, по-видимому, и дало основание Г. П. Макогоненко заметить, что в учебнике по существу сохраняется старая схема периодизации.⁵

Сам Г. П. Макогоненко в своей хрестоматии «Русская литература XVIII века» (Л., 1970) предлагал деление литературного процесса по стадиям распространения в России XVIII в. просветительской идеологии. Он располагал материал по двум основным этапам: первый — «*Канун Просвещения*», охватывающий литературу от начала столетия до конца 1760-х гг., отмеченный формированием идеологии Просвещения в ее русском изводе. Художественное оформление этого этапа знаменуется установлением в литературе классицизма как ведущего направления этого времени. Второй этап — «*Эпоха Просвещения*» — охватывает последние три десятилетия и характеризуется сближением литературы с действительностью. Именно к этому этапу относятся вершинные достиже-

⁴ Учебник выдержал 7 изданий и продолжает оставаться стабильным пособием для изучения литературы этого столетия в вузах.

⁵ Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина: Из истории русского реализма. М., 1969. С. 483.

ния русской просветительской мысли XVIII в., и художественное выражение его представляет собой сложное сосуществование отмирающего классицизма с набирающими силу литературными направлениями просветительского реализма и сентиментализма.

Правда, во вступительной статье той же хрестоматии Г. П. Макогоненко дополняет выделенные два этапа еще одним периодом — «Начало века», — приходящимся на время реформаторской деятельности Петра I и отмеченным своеобразием свойственных ему форм литературы. В распределении отдельных авторов по всем трем периодам данная схема также не гарантирована от известной чересполосицы. Но главное даже не в этом. Хотя хронологически предложенное Г. П. Макогоненко деление литературного процесса в чем-то сближается с делением, принятым в учебнике Д. Д. Благого, критерий его периодизации носит чисто идеологический характер, что и отражено в названии периодов. А для раскрытия закономерности смены форм литературного сознания применение чисто идеологического критерия при периодизации недостаточно, ибо в рамках просветительской идеологии могут сосуществовать разные эстетические системы. Вот почему установление периодизации литературного процесса на основе исключительно идеологического принципа «требует дальнейшей проверки и методологического обоснования», как уже отмечалось в литературоведении.⁶

В 1973 г. была предложена еще одна система периодизации литературы XVIII в., в которой критерии деления связывались с поэтапным решением проблемы создания «единой общенациональной литературы», как своего рода «сверхзадачи», поставленной перед русской культурой эпохи в целом.⁷ При таком подходе вся эпоха делится на два периода: *первая половина XVIII в.*, когда литература завоевывает себе право на самостоятельное существование среди других видов культуры, и *вторая половина XVIII в.*, когда из подвизнического дела одиночек литература обретает статус выразителя общественного мнения в рамках разветвленного литературного движения, о чем свидетельствует появление поэтических школ, группировок, журналов и т. д. Внутри этих двух основных этапов выделяются в свою очередь четыре периода, охватывающие примерно равные отрезки времени и отражающие разные ступени решения обозначенной «сверхзадачи». Предложенная система периодизации не лишена последовательности и верно подмечает отдельные характерные для XVIII в. черты литературного развития. Но ей свойственна известная имманентность подхода к оценке историко-литературного процесса. Отказывая в правомочности периодизации Д. Д. Благого, автор вышеуказанной схемы оставляет по существу в стороне эстетические показатели, отличающие разные этапы литературного развития, и тем самым выделенные им периоды лишены содержательной определенности свойственных им черт художественного мирозерцания.

⁶ Серман И. З. Нерешенные вопросы истории русской литературы XVIII века // Русская литература. 1973. № 1. С. 20.

⁷ См.: Там же. С. 11—28.

В чем же представляется нам актуальность данной проблемы на современном уровне задач литературоведческой науки?

Прежде всего обозначившееся за последнее время необычайное расширение внелитературного материала, вовлекаемого в круг анализа литературных явлений, смешало наши представления о границах задач литературоведческой науки. Это связано отчасти со своеобразной экспансией в литературоведение методов культурологии. Новейшие культурологические разыскания строятся порой на вполне очевидной, хотя и не всегда заметной подмене литературоведческой проблематики решением совершенно особых задач, уводящих исследователя от понимания эстетической природы литературы и ее связи с идеологией. В результате этого утрачивается ясность понимания самого предмета литературоведения.

С другой стороны, возникшие в последние десятилетия представления о некоей ущербности традиционных методов литературоведческого анализа создали ситуацию своеобразного теоретического вакуума и, как следствие, методологической аморфности. Анализ литературных явлений в их социальной обусловленности перестал удовлетворять некоторых литературоведов. Выход из положения пытаются найти в актуализации методов герменевтического анализа текстов или в конструировании культурных топосов. Если первому отводится приоритет в объяснении анализа отдельных произведений, то второе призвано обозначить контуры опорных звеньев культурной преемственности. При этом отдельным атрибутам культурного сознания придается значение чуть ли не основополагающих элементов в формировании историко-культурного контекста эпохи, хотя критерии выделения таких атрибутов носят чаще всего субъективный, если не сказать случайный, характер. Неудивительно поэтому, что обращение к исследованию исторических закономерностей литературного развития приравняется к занятиям «плоским эволюционизмом».

К чему приводит подобный отказ от так называемых «традиционных» методов? Объективно эти новации приводят к размыванию наших представлений о специфике предмета литературы XVIII в., а вместе с этим утрачивается понимание действительных границ литературы данной эпохи и факторов, определявших ее развитие. Наглядный пример методологической аморфности в установлении периодов развития литературы XVIII в. дает нам первый том 4-томного академического издания «Истории русской литературы» (Л., 1980), в котором литература 1-й четверти XVIII в. почему-то оказалась отнесена к древнерусскому периоду, а отсчет развития литературы нового времени предлагается вести от 1730-х гг., т. е. от А. Д. Кантемира и В. К. Тредиаковского. Это, конечно, досадное недоразумение, вызывавшее, кстати, критические отклики при обсуждении данного издания в вузах страны. Но отмеченный факт по-своему симптоматичен. Он свидетельствует об известном методологическом застое в нашей науке, ибо вольно или невольно сложившееся положение возвращает наше литературоведение к концепции историко-литературного

процесса, предложенной А. Д. Галаховым в его «Истории русской словесности» (СПб., 1863), где древний период простирается тоже от начала письменности до конца 1730-х гг., т. е. до поэтического дебюта Ломоносова.

В пределах статьи было бы, конечно, нереально пытаться разрешить все вопросы, возникающие в связи с проблемой периодизации литературы XVIII в. Свою задачу мы хотели бы видеть лишь в том, чтобы очертить возможные контуры ее решения. В целом предпосылки такого решения имеются в вышеупомянутом учебнике Д. Д. Благого, и выдвигать еще какую-то новую схему с целью обязательно сказать что-то необычное, оригинальное не входит в наши замыслы. Важно, на наш взгляд, на основе учета реальных фактов истории литературы XVIII столетия взглянуть еще раз на нее как на сложный, многоступенчатый этап в общем процессе эволюции всей русской культуры нового времени.

Объективность любой устанавливаемой системы периодизации зависит от правильности выбора критериев. Вот почему важно избрать методологически верные принципы подхода к решению проблемы. В нашем случае гарантией верности методологии будет историзм подхода: периодизация любого большого этапа литературного развития должна основываться на факторах, отражающих сущность движения свойственных ему форм литературного сознания. При этом следует обязательно учитывать роль и место данного этапа в общем процессе исторического развития национальной литературы в целом. Иначе она может быть сведена к периодизации либо общеисторических, либо идеологических процессов.

Если говорить о том месте, которое литература XVIII в. занимает в общем процессе развития национальной культуры, то уяснение данного вопроса неотрывно от понимания общей роли этого столетия в истории России. XVIII в. — время динамичных свершений, коренным образом изменивших облик прежней феодальной Московской Руси. Расширение базы крепостничества и ограничение прав церкви, начатые реформами Петра I, создали основу для последующего расцвета дворянской монархической государственности в формах абсолютизма, обеспечившего утверждение политической роли России в системе европейских государств. Это столетие было отмечено переходностью. Будучи связующим звеном между длительным древним периодом истории Руси и XIX в., оно явилось в то же время своеобразным диалектическим отрицанием предшествующего периода. В XVIII в. (пользуясь терминологией Гегеля) Россия из объекта всемирно-исторического процесса становится его равноправным действенным субъектом, призванным внести свой вклад в формирование духовных ценностей общечеловеческого значения. Эпохой, когда Россия вполне созреет для этого, станет XIX в., отмеченный вершинными достижениями русского классического реализма в творчестве Толстого и Достоевского.

Решение политических задач, которые поставил перед собой Петр, требовало коренного переустройства всего уклада, каким жила Московская Русь. Обретение Россией статуса европейской

державы, закрепленное ее победами в Северной войне, требовало скорейшего безотлагательного подключения всех институтов ее общественной жизни к ритму жизни развитых европейских стран как в материальной сфере, так и в культурно-идеологической. Реорганизация армии и строительство флота, как гарантов политической мощи страны, диктовали в свою очередь необходимость создания промышленности и подготовки хорошо обученных кадров, что влекло за собой коренное изменение системы образования, невиданное ранее расширение сети светских учебных заведений, зарождение отечественной науки. Параллельно протекало обновление системы административного управления страной, изменение бытового уклада жизни правящего дворянского сословия. Менялась и культура, за сравнительно короткие сроки усвоившая многое из отсутствовавших ранее в России форм и идеологических концепций.

Отмеченная переходность данной эпохи определяет динамизм общего тонаса культурной жизни столетия, что в свою очередь объясняет ускоренный характер развития литературы этого времени. Русская литература на протяжении столетия вынуждена была проходить те стадии развития, которые в Европе переживались на протяжении двух-трех веков. Этим объясняется сравнительно быстрая смена литературных направлений в XVIII в., возникающее порой напластование одних направлений на другие и, как следствие, совмещение в творчестве отдельных авторов разных систем художественного мировосприятия, что создает сложности при периодизации литературного процесса XVIII в. Без учета этой естественной соотнесенности процессов развития русской литературы столетия с усвоением опыта других европейских литератур удовлетворительного решения проблемы периодизации достигнуть невозможно. Здесь нужно сделать одно пояснение.

Еще сравнительно недавно было принято определять сущность протекавших в России XVIII в. процессов культурного обновления термином «европеизация». В последнее время это положение иногда оспаривалось. Однако серьезных аргументов, которые бы подтверждали полную независимость новых форм русской литературы XVIII в. от европейских традиций и тем самым автохтонность топосов культуры данного столетия, приведено не было. Да это было бы и трудно сделать. Логика исторического развития русской литературы XVIII в. действительно отражает процесс активного усвоения ею опыта литератур опередивших Россию в своем духовном развитии европейских стран. Так, эстетические постулаты, определявшие, например, структурное своеобразие новых жанровых форм, ставших достоянием русской литературы XVIII в., в большинстве своем не были органично порождены собственными культурными традициями предшествующего древнего периода. И барокко, и классицизм, и сентиментализм сформировались как художественные системы не на русской почве, однако национальные модификации этих общеевропейских стилей отме-

чены чертами, делающими их качественно новыми явлениями, на основании чего мы имеем полное право говорить о «русском барокко», «русском классицизме», «русском сентиментализме» и т. д.⁸

Вот почему сводить все происходившее в литературном развитии XVIII в. в России только к понятию «европеизации» было бы не совсем правильно. Следует, по-видимому, говорить о постепенном и неуклонном обретении русской литературой таких структурно-содержательных свойств, которые превращали ее в носительницу ценностей общечеловеческого значения. XVIII в. как раз и представлял собой такой период, когда шаг за шагом содержание духовной жизни нации постепенно включалось в процесс общеевропейского культурного развития, чтобы в XIX в. в творчестве таких писателей, как Достоевский и Толстой, обозначить в известном смысле рубеж развития всей мировой литературы.

Вехи этого включения русской литературы в общеевропейский процесс развития и должны, по нашему мнению, служить основными показателями границ отдельных периодов, из которых складывается общая картина периодизации. Если же говорить непосредственно о принципе, регулирующем ее содержательные параметры, то он видится в смене художественных систем эстетического освоения мира в той же последовательности, в которой они переживались в Европе на протяжении XVI—XVIII вв. Эстетические критерии периодизации исходят из тех изменений характера и способов художественного постижения духовной природы человека, какие переживает литература. Смена литературных направлений и фиксирует эти изменения.

Все вышесказанное позволяет выделить в развитии русской литературы XVIII в. 3 основных периода, различающихся вполне определенной спецификой художественного сознания и обуславливаемых ею стилевых и жанровых форм.

I период, охватывающий 1700-е—начало 1730-х гг., по традиции принято называть «Петровским временем». Хотя в подобном определении не раскрывается своеобразие его художественного лица, но приуроченность данного периода ко времени царствования Петра I помогает по-своему понять особую неповторимую роль проводившихся в 1-й трети столетия преобразований для всего последующего развития национальной культуры.

В этот переломный период завершается начавшаяся еще в XVII в. переоценка средневековых канонов мышления и создаются предпосылки новой, чисто светской культуры, ориентированной на восприятие идеологических постулатов раннего европейского Просвещения.

Идейный пафос литературы этого периода составляет защита и пропаганда политики Петра I, его реформаторских начинаний. Отсюда проистекает публицистичность, пронизывающая все наи-

⁸ О своеобразии художественной природы русского классицизма XVIII в. нам уже приходилось говорить. См.: История русской литературы: В 4 т. Л., 1980. Т. 1. С. 513—522.

более значительные сочинения этого времени: публицистической установкой отмечены и репертуар «школьного театра» (пьесы, разыгрывавшиеся в Московской славяно-греко-латинской академии или в «гошпитальном» театре Н. Бидлоо, такие как, например, «Торжество мира православного» (1703) или «Слава российская» (1724) Ф. Журовского и др.), и известный трактат П. Шафирова «Рассуждение, какие законные причины Петр Первый к начатию войны против короля Карла XII шведского в 1700 году имел» (1717), и оставшееся без последствий «Доношение о исправлении всех неисправ в нашем государстве» (1704) экономиста-самоучки И. Т. Посошкова, и даже анонимная повествовательная беллетристика тех лет, кардинально переосмыслившая содержательные коллизии демократической повести 2-й половины XVII в. Очень своеобразно эта черта проявилась в бурном расцвете так называемой «любовной лирики» Петровского времени. И, конечно же, публицистичность является отличительной чертой содержания творчества Ф. Прокоповича и А. Д. Кантемира, крупнейших представителей данного этапа.

Специфика художественных задач, решавшихся на протяжении 1-й трети XVIII в., помогает понять своеобразный прагматизм эстетического сознания этого времени, также непосредственно отразившийся в литературе. Вспомним популярность таких книг, как «Приклады како пишутся комплименты разные. . .» (1708) — прообраз последующих «письмовников», «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению» (1717), компилятивное пособие по правилам бытового этикета. На основании этих фактов нельзя, конечно, делать выводы об уровне художественных потребностей времени в целом. Но показательно, что пробудившийся в России именно в этот период широкий интерес к античной культуре выразил себя на первых порах в своеобразной актуализации наследия баснописца Эзопа, воспринимавшегося, конечно же, сквозь призму схоластической дидактики как источник нравоучительных иносказаний.⁹

Это сочетание жажды новизны с сохранявшимся еще тяготением к освященным вековыми традициями нормам и понятиям объясняет типичный для данного периода эклектизм художественного сознания как доминирующую черту искусства времени. Для создания какой-то единой эстетической платформы, которая могла бы обеспечивать формирование литературных направлений или школ, условия еще не созрели. Правда, в отдельных сферах культуры, особенно там, где решение пропагандистских задач сочеталось с установкой на зрелищность массового восприятия, например при устройстве карнавалов, в оформлении фейерверков, ощущается сильное влияние черт барокко, искусство

⁹ Первые сборники басен Эзопа появились на русском языке еще в XVII в. Но особенную популярность они приобрели в 1-й четверти XVIII в. Изданные Копиенским в Амстердаме в 1700 г. «Эсоповы притчи» были там же перепечатаны по личному распоряжению Петра I в 1712 г. и потом вновь изданы в 1717 г. в Петербурге.

которого отличалось особым пристрастием к пышности и эмблематичности. В литературе данного периода наряду с тенденциями барокко встречаются и элементы использования традиций европейской повествовательной прозы, основанной на переработке рыцарских авантюрных романов, а в творчестве А. Д. Кантемира можно наблюдать первые, в чем-то опережавшие свое время попытки перенесения на русскую почву эстетических норм европейского классицизма, правда в пределах одного жанра — стихотворной сатиры. Собственно появлением первых сатир Кантемира, его переводом трактата Б. Фонтенеля «Разговоры о множестве миров» (1730), а также публикацией в России в том же году романа П. Тальмана «Езда в остров любви» в переводе В. К. Тредиаковского и следует обозначать, по нашему мнению, верхний рубеж этого периода. Если перевод Тредиаковского фиксировал качественные сдвиги в литературном сознании, порожденные обстановкой, возникшей в результате петровских преобразований, то в сочинениях Кантемира уже прозорливо намечен выбор классицизма в качестве такой художественной системы, которая наиболее органична духовным потребностям утвердившегося в своей силе абсолютизма.

II период, охватывающий промежуток времени с конца 1730-х до конца 1770-х гг., естественно рассматривать как период классицизма. Именно в эти годы протекает последовательное формирование литературы, основанной на восприятии эстетической доктрины классицизма. Появление в 1747 г. двух эпистол А. П. Сумарокова («О русском языке» и «О стихотворстве»), ставших, подобно известному трактату Н. Буало «Поэтическое искусство» (1674), своеобразным кодексом классицизма, наглядно подтверждало достижение русской литературой нового уровня художественных возможностей. Завершение М. М. Херасковым восьмилетнего труда по созданию героической поэмы «Россияда», вышедшей в Москве в 1779 г., знаменовало обретение национальной поэзией жанра, признававшегося венцом литературы классицизма.

В отличие от скоропреходящности культурных новаций Петровского времени, в этот период преобладает не тенденция к текучести, к одномоментности в распространении литературных вкусов, а известная тяга к стабильности, что выразилось наглядно в формировании строгой жанровой системы, в своеобразном регламентировании творческого процесса. В течение указанных трех с небольшим десятилетий в русской литературе постепенно создаются национальные образцы почти всех ведущих жанров системы классицизма. Выдающимися представителями классицизма в русской литературе XVIII в. явились А. П. Сумароков и М. В. Ломоносов. Если принадлежность первого к классицизму не оспаривалась в науке, то в оценке художественного метода поэзии Ломоносова мнения расходились. А. А. Морозов считал его представителем барокко.¹⁰ Г. А. Гуковский предлагал оценивать поэтиче-

¹⁰ Морозов А. А. Ломоносов и барокко: (О поэтическом стиле М. В. Ломоносова) // Русская литература, 1965. № 2. С. 70—96.

скую систему Ломоносова в контексте художественных принципов эпохи Возрождения.¹¹ Нам представляется наиболее обоснованной точка зрения П. Н. Беркова, который относит его творчество в конечном итоге к классицизму.¹²

Усилиями Ломоносова, Сумарокова и их последователей формируется канон русской торжественной оды, русской стихотворной трагедии, комедии, героической эпопеи, стихотворной басни, многочисленных лирических жанров, таких как элегия, идиллия, дружеское послание, медитативные стансы. Еще ранее Кантемир, следуя традициям Буало, познакомил русских читателей с жанром сатиры, так что Сумарокову оставалось лишь сделать дальнейший шаг по пути русификации этого жанра, так же как он сделал это в жанре поэтической басни.

Классицизм в России появился веком позже, нежели во Франции, где, как известно, самые блестящие достижения его приходятся на XVII в. Это наложило свою печать на специфику жанровых форм русского классицизма. Достаточно представить путь, пройденный Сумароковым-драматургом, чтобы увидеть, что в его трагедиях следование урокам Расина сливается с усвоением традиций Вольтера; и наряду с этим Сумароков дважды обращался к драматургическому наследию Шекспира. Итогом было создание довольно специфической, не имевшей аналогов в других европейских литературах трагедийной структуры — с минимальным числом персонажей, с наличием счастливых развязок, резонеров и т.д.

Указанное обстоятельство не только помогает понять специфику осмысления традиционных жанровых форм в русском классицизме XVIII в. Особая роль при этом отводилась идеям европейского Просвещения, которые, будучи трансформированы на русской почве, стали объективно идеологической базой русского классицизма. То, что носителями этого демократического по своей внутренней сущности мировоззрения выступали в России в основном представители правящего дворянского сословия, объясняет повышенную популярность в русском классицизме концепции просвещенного абсолютизма. Это наиболее отчетливо проявилось в одическом жанре и в трагедии. Когда на сцене демонстрация словных добродетелей сочетается с утверждением нравственной ответственности монархов в выполнении ими своего долга перед подданными, когда в одах достоинства монархов измеряются ревностностью их в служении интересам отечества, то становится

¹¹ Гукровский Г. А. Русская литература XVIII века. Л., 1939. С. 108.

¹² «...как ни отличалась литературно-общественная позиция Ломоносова от позиции Сумарокова, все же оба автора могли действовать и действовать в пределах того литературного течения, которое господствовало тогда в европейских литературах, в пределах классицизма. Разные подходы, разные исходные общественно-политические, классовые позиции могли только повлиять на внешнее проявление усвоения классицизма, но отменить самого процесса вхождения русской литературы в общеевропейское литературное развитие не могли». — Берков П. И. Проблема литературного направления Ломоносова // XVIII век. М.; Л., 1962. Сб. 5. С. 32.

объяснимой специфической публицистической окраска этих ведущих жанров классицизма в России. В русской драматургии классицизма XVIII в. вообще возникла парадоксальная ситуация: трагедии Сумарокова и его учеников имели в большинстве своем счастливые развязки, зато коллизии комедий, например у Фонвизина и Капниста, приобретали гротесково-трагедийные черты. В названных жанрах классицизма просветительский пафос в осмыслении природы драматических конфликтов помогает понять такое положение.

Таким образом, утверждение идеалов обновленной государственности в ее сословном (как это было у Сумарокова) или общенациональном (как у Ломоносова) истолковании и составляло идейно-содержательную основу литературы русского классицизма XVIII в., традиции которого будут сохраняться вплоть до первых десятилетий XIX в. Но уже к концу 1780-х гг. начинает обнаруживаться исчерпанность эстетических возможностей этой художественной системы, неадекватность постулируемых ею принципов новым историческим потребностям. Классицизм уступает свое ведущее положение другой художественной системе; смена вкусов обозначила наступление нового периода в развитии историко-литературного процесса XVIII в.

III период, приходящийся на 1780—1800-е гг., отмечен утверждением в русской литературе сентиментализма и распространением сопутствующих ему преромантических веяний. Тенденции, определявшие художественные искания этого периода, останутся актуальными в течение первого полуторадесятилетия XIX в.

Крупнейшими представителями сентименталистского направления в русской литературе XVIII в. были М. Н. Муравьев и Н. М. Карамзин. Именно в их творчестве с наибольшей отчетливостью запечатлено изменение представлений о функции литературы и ценностной основе иерархии жанров. Свойственное классицизму утверждение идеальности государственно-политических интересов, отстаивание сословных добродетелей сменяется теперь осознанием ценности человеческой личности самой по себе. Этим объясняется абсолютизация у сентименталистов нравственного чувства как главного мерила человеческих поступков. Соответственно свойственная высоким жанрам классицизма масштабность мировосприятия уступает в новой системе место доверительной интимности сердечного излияния чувства. Для поэзии этого направления типично воспевание дружбы и тихих радостей любви на лоне природы, где царствуют гармония и естественность, давно утраченные в человеческом общежитии. Путь к достижению общественной гармонии видится при этом в совершенствовании внутреннего мира человека. Отсюда становится понятной та роль, какая в эстетике сентиментализма отводится исследованию тайников человеческой души. Не случайно в жанровой системе нового направления наибольшую художественную ценность приобретают формы субъективно-исповедального плана, дававшие простор для анализа внутреннего мира личности, — интимная лирика, где

центральное место заняли дружеское послание и элегия, а также эпистолярная и повествовательная проза. Лирику М. Н. Муравьева, повести Н. М. Карамзина, опубликованные в «Московском журнале» и позднейших альманахах, а также его «Письма русского путешественника» наряду с «Путешествием из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева можно считать наиболее яркими явлениями данного периода.

Как литературное направление сентиментализм в России получил свою организационную оформленность в периодических изданиях Карамзина 1790-х гг. и в его альманахах «Аглая» (1794—1795) и «Аонида» (1796—1799). В них же печатались программные теоретические статьи Карамзина, раскрывавшие специфику основополагающих установок эстетики нового направления.

То, что сентиментализм в России зарождается в канун Великой французской буржуазной революции, а оформляется как направление в период разворачивания событий, всколыхнувших всю политическую жизнь Европы на исходе столетия, наложило свой отпечаток на решение центральной эстетической проблемы времени, а именно проблемы истолкования предназначения человека. Художественная практика русского сентиментализма 1790-х гг. демонстрирует два пути решения этой проблемы.¹³ Один путь, пронизанный пафосом социального индифферентизма и признания обреченности людей на страдания, фиксирует уход во внутренний мир души, воспевание верности дружбе, любви, уединения. Наиболее отчетливо подобная позиция заявлена в известном стихотворении Карамзина «Послание к Дмитриеву» (1794).

Другой, противоположный путь во главу угла ставит отстаивание прав человеческой личности с демократических позиций. Представителем этого крыла в русском сентиментализме следует считать А. Н. Радищева.¹⁴ Его «Путешествие из Петербурга в Москву» демонстрирует бескомпромиссное, воинствующее отрицание института крепостного рабства как противоречащего человеческой природе явления. Содержание произведения исполнено социальной активности, ибо утверждает объективно политические идеалы, подсказанные учениями наиболее радикального крыла французских просветителей XVIII в.¹⁵

Таковы, на наш взгляд, основные этапы исторического развития русской литературы XVIII столетия. Данная система перио-

¹³ В свое время эти две линии русского сентиментализма проанализировал Ю. М. Лотман в диссертации «А. Н. Радищев в борьбе с общественно-политическими воззрениями и дворянской эстетикой Н. М. Карамзина» (Тарту, 1951). О двух линиях в прозе русского сентиментализма пишет и П. А. Орлов в своей монографии «Русский сентиментализм» (М., 1977).

¹⁴ Вопрос о творческом методе А. Н. Радищева также остается в науке открытым. Большинство исследователей (П. Н. Берков, Г. П. Макогоненко, Л. И. Кулакова, А. В. Западов и др.) считают Радищева реалистом. Свою позицию по данному вопросу я высказал в статье «Проблема реализма в русской литературе XVIII века» (Русская литература. 1982. № 4. С. 55—76).

¹⁵ См.: Макогоненко Г. П. Учение Радищева об активном человеке и Пушкин // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7. С. 345—352; Лотман Ю. М. Радищев и Мабли // Там же. 1958. Сб. 3. С. 276—308.

дизации, основанная на чисто эстетических критериях, не содержит внешне ничего нового. Мало того, можно привести факты, не укладывающиеся, казалось бы, в предложенную схему. Но проблема периодизации литературы не может решаться чисто статистическим путем и не сводится к регистрации смены вкусовых норм. Важное значение имеет и социальный фактор. Не отдельный спорадический факт, сколь бы он ни был значительным, а лишь наличие комплекса явлений, охватывающих все уровни общественно-литературной жизни эпохи, может служить достаточным основанием для установления границ того или иного периода. И здесь следует различать разные ступени формирования художественных систем, не смешивая развитую стадию того или иного периода с этапом зарождения его предпосылок. Приведем показательный пример такого положения.

Первые сатиры Кантемира, выдержанные в духе следования сатирам Буало, т. е. канонам французского классицизма, появляются в конце 1720-х гг. Первая классицистическая ода на русском языке, написанная В. К. Тредиаковским также в подражание Буало, — «Ода на сдачу Гданьска» — приходится на 1734 г. Но значат ли эти факты, что нижнюю границу II периода и утверждение в России классицизма следует относить на конец 1720-х гг. и считать Тредиаковского основоположником канона одического жанра, утвердившегося в XVIII в.? На наш взгляд, подобные мнения были бы ошибочными.

Становление классицизма в русской литературе XVIII в. произошло не в одно мгновение, но сопровождалось подготовительным периодом, отмеченным своего рода пробными, спорадическими прорывами его эстетических принципов в творчестве отдельных авторов. Существенно, что и оды Ломоносова, и трагедии Сумарокова, не говоря уже о теоретических «эпистолах» последнего, прямой, преемственной связи с опытами Кантемира и Тредиаковского не имели. Мало того, утверждавшаяся Ломоносовым и Сумароковым поэтическая система призвана была подчас служить опровержением стиховой практики их предшественников. Образцами, на которые они ориентировались, были либо французские (для Сумарокова), либо немецкие (в жанре оды для Ломоносова) авторитеты. Оформление же классицизма в художественную систему как определенного этапа историко-литературного процесса в целом происходит именно в творчестве этих авторов. И оно стало возможным именно в конце 1740-х гг., когда для этого созрели необходимые условия как культурно-идеологического порядка, так и социальные. С одной стороны, процесс был обеспечен реформой русского стихосложения и известной стабилизацией норм литературного языка. С другой стороны, именно к 1740-м гг. было покончено с временным состоянием относительной внутривосточной нестабильности и позитивная роль абсолютизма как гаранта подъема национального самосознания в продолжении дела Петра I вновь обрела свою незыблемость. Все это обеспечило условия для органичного развертывания художественной системы классицизма

и наступления соответствующего периода в развитии русской литературы.

При таком подходе 1730-е гг., на протяжении которых совершалась реформа русского стихосложения и протекало упорядочение норм литературного языка, следует оценивать как своеобразный промежуточный рубеж, отмеченный динамичным процессом перестройки литературного сознания. В ходе его были созданы условия для органичного и полного усвоения литературой системы классицизма.

Аналогичным образом обстояло дело и с созреванием предпосылок сентиментализма, первые признаки которого принято видеть в поэтических новациях, которыми увлекались члены кружка М. М. Хераскова в периодических изданиях начала 1760-х гг. («Полезное увеселение», «Доброе намерение» и др.). Отдельные прорывы к сентименталистскому истолкованию задач поэтического искусства можно наблюдать и в творчестве И. Ф. Богдановича, и в ранних поэтических опытах М. Н. Муравьева или Ф. И. Дмитриева-Мамонова. Но только к концу 1780-х гг. созревают условия для естественного оформления сентиментализма в целостную художественную систему, занявшую определяющее место в литературе конца XVIII в. И здесь качественное переосмысление трактовки задач литературы вытекало из полного изменения духовных потребностей общества. Основу этой новой социально-исторической ситуации составляла в сущности исчерпанность просветительской миссии русского абсолютизма, что наглядно проявилось в последние годы царствования Екатерины II и в короткий промежуток пребывания на троне Павла I.

Таким образом, выработка критериев периодизации должна органично соотноситься с установлением факторов, определяющих эпохальные сдвиги в эволюции культурного сознания. Хотя внешним показателем этих сдвигов служат изменения вкусовых норм, вне учета воздействия на развитие культуры процессов социальной жизни объективного представления о закономерностях этого развития мы не получим.